

50
X

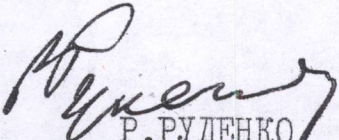
Совершенно секретно

Товарищу МОЛОТОВУ В.М.

В соответствии с поручением Комиссии представляю справки по материалам судебных процессов об обстоятельствах убийства С.М.Кирова и о результатах изучения материалов об обстоятельствах смерти сотрудника НКВД Борисова, работавшего в охране С.М. Кирова.

ПРИЛОЖЕНИЕ: две справки на 15 листах.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР

Р.РУДЕНКО

" 3 " сентября 1956 г.

№ 179 лс

Совершенно секретно

С П Р А В К А

по материалам судебных процессов об обстоятельствах
убийства С.М.Кирова

1 декабря 1934 года, в 16 час.30 мин., в городе Ленинграде, в Смольном, было совершено злодейское убийство Сергея Мироновича Кирова. Убийство было совершено Николаевым, который был задержан на месте преступления.

В связи с убийством С.М.Кирова, наряду с Николаевым, были арестованы и осуждены по одному с ним делу как вдохновители и организаторы убийства Котолынов И.И., Шатский Н.Н., Румянцев В.В., Мандельштам Н.П., Левин В.С., Сосицкий Л.И., Мясников Н.П., Соколов Г.В., Юскин И.Г., Звездов В.И., Антонов Н.С., Ханик Л.О. и Толмазов А.И. - всего 14 человек.

Из личных записок Николаева, изъятых у него после ареста, видно, что еще задолго до убийства С.М.Кирова Николаев был резко антисоветски настроен и проявлял озлобленность против руководителей партии и Советского правительства. Из этих записок также видно, что еще в октябре 1934 года у Николаева созрело решение убить С.М.Кирова и им был заранее продуман и разработан злодейский план этого убийства.

Из записки Николаева не видно, чтобы он посвящал кого-либо в свои планы подготовляемого им террористического акта.

Неоднократно допрошенный в ходе предварительного следствия Николаев давал путаные и противоречивые показания, утверждая вначале, что никаких соучастников у него не было и что он совершил это преступление самостоятельно.

Затем Николаев на допросах заявил, что решение убить С.М.Кирова у него сложилось под влиянием связей с бывшими участниками троцкистско-зиновьевской оппозиции Котолыновым, Шат-

ским и другими, которые, однако, по словам Николаева, не были посвящены в его преступные планы.

Впоследствии Николаев стал утверждать, что он являлся участником подпольной зиновьевской группы, руководимой Котольновым и Шатским, и по их прямому заданию совершил убийство С.М. Кирова.

Свои показания о преступной связи с Котольновым, Шатским и другими осужденными по этому делу Николаев подтвердил и в суде.

Однако показания Николаева о преступной связи с Котольновым, Шатским и другими также являются крайне противоречивыми и не подтверждаются другими материалами этого дела, а также материалами, полученными в ходе дополнительной проверки.

Котольнов, Шатский и большинство других осужденных по этому делу категорически отрицали показания Николаева.

Анализируя материалы дела об убийстве С.М.Кирова и материалы, полученные в процессе дополнительной проверки, проведенной в 1956 году, следует прийти к следующим выводам.

Будучи разбиты на XIV съезде КПСС, зиновьевцы не подчинились партии и сразу же после съезда, собрав своих сторонников, начали вести борьбу против решений съезда, причем особенно активной эта борьба была в Ленинграде.

Выехавшая в Ленинград группа делегатов XIV съезда партии при активном участии С.М.Кирова провела большую работу по разгрому зиновьевской оппозиции.

После XIV съезда зиновьевцы не прекратили свою борьбу против партии, а, заблокировавшись с троцкистами, докатились до прямых антисоветских выступлений.

С.М.Киров, являясь с января 1926 года секретарем ленинградской партийной организации, возглавил борьбу по выкорчевыв-

ванию остатков зиновьевцев и троцкистов в Ленинграде, что вызвало к нему ненависть и озлобление враждебных партии сил.

Впоследствии большинство оппозиционеров заявили о своем отходе от оппозиционной деятельности и были восстановлены в партии. Однако бывшие активные зиновьевцы продолжали встречаться между собой, высказывали недовольство руководством партии и своим положением.

Проверкой на добыто материалов о том, что Николаев организационно примыкал к оппозиции. Однако бесспорно установлено, что он по своей прошлой работе неоднократно встречался с бывшими оппозиционерами Котолыновым, Шатским и другими, а с рядом из них поддерживал личные связи до последнего времени.

Таким образом, Николаеву были известны настроения, сложившиеся у бывших активных участников разгромленной оппозиции и эти настроения могли оказать воздействие на формирование его гнусных террористических замыслов.

Материалами предварительного и судебного следствия не установлена непосредственная преступная связь Николаева с Котолыновым, Шатским, Левиным, Румянцевым и другими осужденными вместе с ними лицами.

Материалы дают основание утверждать, что Николаев, будучи резко антисоветски настроен, действуя как одиночка, на политической почве совершил террористический акт над С.М.Кировым.

Обвинение в том, что убийство С.М.Кирова было совершено Николаевым по заданию "ленинградского центра" троцкистско-зиновьевской оппозиции не доказано.

Расследованием установлено, что совершению Николаевым террористического акта способствовало преступное попуститель-ство сотрудников Ленинградского управления НКВД, ответственных за охрану С.М.Кирова.

Материалами следствия подтверждено, что еще 15 октября 1934 года Николаев был задержан на улице тогда, когда он следил за С.М.Кировым, направлявшимся из Смольного домой.

Во время задержания Николаев имел у себя оружие, однако сотрудники НКВД не произвели даже обыска у Николаева, не предприняли попыток выяснить его намерения, а ограничились лишь проверкой его документов и объяснением, что Николаев пытался подойти к С.М.Кирову с целью выяснения вопросов о своей работе. Николаев тогда был освобожден.

В этих условиях преступного попустительства Николаев смог по существу беспрепятственно осуществить злодейское убийство С.М.Кирова.

В связи с убийством С.М.Кирова были арестованы и в январе 1935 года осуждены Военной Коллегией Верховного Суда СССР Зиновьев Г.Е., Каменев Л.Б., Евдокимов Г.Е., Гертик А.М., Бакаев И.Н., Куклин А.С., Шаров Я.В., Браво Б.Л., Гессен С.М., Сахов Б.Н., Тарасов И.И., Файвилович Л.Я., Герцберг А.В., Горшенин И.С., Анишев А.И., Царьков Н.А., Башкиров А.Ф., Перимов А.В. и Федоров Г.Ф. - всего 19 человек.

Как на предварительном следствии, так и в суде Зиновьев, Каменев, Бакаев и другие заявили, что хотя они и не были осведомлены о подготовке террористического акта против С.М.Кирова, однако они должны нести моральную и политическую ответственность за это убийство, потому что своей враждебной партийной деятельностью, своими нападками на Центральный Комитет они создали у некоторых своих единомышленников озлобление против руководства партии, что объективно привело к убийству С.М.Кирова.

Осуждение Зиновьева, Каменева и других в январе 1935 года и признание их морально и политически ответственными за убийство С.М.Кирова является правильным, так как руководители зиновьевской оппозиции своей фракционной борьбой и нападками на

X

партию объективно способствовали разжиганию террористических настроений у враждебных партии и Советскому государству лиц.

В то же время Зиновьев, Каменев, Бакаев и другие осужденные по этому делу категорически отрицали свою осведомленность о подготовке террористического акта против С.М.Кирова. Никаких материалов, которые могли бы подтвердить непосредственную причастность этих лиц к убийству С.М.Кирова, в ходе следствия также добыто не было.

В мае 1936 года Зиновьев, Каменев, Евдокимов и Бакаев, отбывавшие наказание, были вновь привлечены к уголовной ответственности по делу так называемого объединенного троцкистско-зиновьевского центра. Кроме них по этому делу были арестованы и осуждены к расстрелу Мрачковский С.В., Тер-Ваганян В.А., Смирнов И.Н., Дрейцер Е.А., Рейнгольд И.И., Пикель Р.В., Гольцман Э.С., Фриц Давид, он же Круглянский, Ольберг В.П., Берман-Юрин К.Б., Лурье М.И. и Лурье Н.Л. - всего 16 человек.

Осужденные по этому делу лица были признаны виновными в том, что они являлись руководителями террористической организации и что убийство С.М.Кирова было совершено по решению объединенного троцкистско-зиновьевского центра.

Проверкой установлено, что это обвинение является необоснованным и сфальсифицированным.

Также необоснованным следует признать и обвинение в причастности к убийству С.М.Кирова, выдвигавшееся на последующих процессах "параллельного антисоветского троцкистского центра" (Пятаков, Радек и другие) и "право-троцкистского блока" (Бухарин, Рыков и другие).

6.

Как установлено в настоящее время, показания лиц, осужденных на этих процессах, были получены в результате применения преступных методов следствия: обмана, шантажа и мер физического воздействия.

Подробный анализ этих судебных процессов ранее представлен в Комиссию.

С П Р А В К А

о результатах изучения материалов об обстоятельствах смерти сотрудника НКВД Борисова, работавшего в охране С.М.Кирова

По материалам расследования, произведенного в декабре 1934 года, обстоятельства смерти Борисова Михаила Васильевича выглядят следующим образом:

Утром, 2 декабря 1934 года, бывший начальник УНКВД по Ленинградской области Медведь по телефону приказал немедленно доставить в Смольный охранника С.М.Кирова - Борисова, находившегося в то время в здании Управления НКВД.

Выполняя это распоряжение Медведя, начальник 3 отделения оперода Хвиюзов дал указание оперуполномоченному оперода Малий доставить Борисова в Смольный.

Как утверждал Малий на допросах в декабре 1934 года, он доложил Хвиюзову, что легковых машин, на которых можно было бы доставить Борисова в Смольный, в гараже не имеется и что для этой цели можно использовать грузовую полутонную машину "Форд", стоящую у подъезда здания УНКВД.

Хвиюзов с этим согласился и предложил доставить Борисова в Смольный на грузовой автомашине.

Перед выездом в Смольный Малий в нарушение правил конвоирования сел в кабину рядом с шофером, а Борисов и уполномоченный оперода Виноградов - на скамье в кузове автомашины. Сидели они рядом, на некотором расстоянии друг от друга, спиной почти вплотную к кабине.

Машина со скоростью от 40 до 50 км в час дошла до Потемкинской улицы, а затем ее резко бросило вправо, отчего машина въехала на панель и ударилась правым бортом о стену дома № 43 по улице Воинова. Пройдя метров пять около стены, машина снова резко

повернула влево, вышла на мостовую и остановилась.

Сопровождавший Борисова Малий, шофер машины Кузин и стоявший вблизи на посту милиционер Крутиков, подбежав к кузову автомашины, увидели лежавшего без движения с окровавленной головой Борисова и поддерживавшего его уполномоченного Виноградова.

По поводу обстоятельств смерти Борисова уполномоченный Виноградов на допросе от 10 декабря 1934 года показал следующее:

"...Машина вначале получила крен и направление влево. Затем машина резко повернула направо и врезалась в стену дома правым бортом.

После этого машина вновь повернула налево и примерно метров через 15 остановилась. Когда правый борт ударился о стену дома, то одновременно с этим и Борисов левой частью головы ударился о стену дома. После того, как Борисов ударился о стену дома, он снова упал в машину, но уже не на скамейку, а на пол кузова. В это время я его и подхватил..."

(л.д. 84 дело об убийстве Борисова)

Постовой милиционер Крутиков, являвшийся очевидцем катастрофы грузовой автомашины, на допросе от 11 декабря 1934 года дал следующие показания:

"... сейчас же после того, как машина прошла мимо меня, она свернула налево, затем тут же машина резко повернула вправо и машина вылетела на тротуар. Ударившись правым бортом о стену дома, машина взяла влево и выехала снова на мостовую. Я сразу же подбежал к месту катастрофы. Когда я подбежал к машине, то увидел, что тот гражданин, который сидел возле правого борта, лежит в кузове с разбитой головой. Другой гражданин, который сидел ближе к левому борту, тоже в это время был в кузове...."

(л.д. 70 дело об убийстве Борисова)

Крутиков далее заявил, что лично он не видел, чтобы Борисов ударился головой о что-либо.

Экспертная комиссия, производившая осмотр грузовой автомашины и места аварии, в своем акте от 2 декабря 1934 года указала, что авария произошла в результате неисправности автомашины (недостаток листов рессоры и отсутствие центрального болта). Повышенная же скорость машины явилась обстоятельством, способствовавшим аварии (л.д. 4).

Шофер Кузин и его сменщик Чаповский утверждали в 1934 году, что в передней рессоре автомашины до аварии был один лопнувший лист.

В акте обследования, составленном сразу же после аварии ОРУДОМ гор. Ленинграда 2 декабря 1934 года в 10 час.50 мин. указывается:

"...При пробе автомобиля был обнаружен ненормальный (требующий усилия) поворот руля влево и смещение передней оси влево. По пути в гараж было обнаружено, что поворот вправо облегчен против нормального, отчего при следовании на поворотах вправо машину дважды забрасывало на панель при нормальном повороте штурвала..." (л.д.7).

И далее:

"Неисправность передней рессоры (отсутствие центрального болта и недостача рессорных листов при ослабленной стремянке) послужила причиной смещения передней оси влево по отношению к шасси автомобиля.

Смещение передней оси нарушает систему рулевого управления. Поворот в одну из сторон облегчается, т.е. он при нормальном повороте штурвала производится под более острым углом произвольно, одновременно вырывая руль у водителя.

В данном случае имел место облегченный поворот вправо и при повороте шофером Кузиным штурвала вправо автомобиль бросило на панель..." (л.д.7,8).

Наряду с этим акт отмечает, что и после аварии рулевое управление и передний мост автомашины оставались в полной исправности.

Дефект этого технического акта заключается в том, что, ана-

лизируя причины аварии, акт отмечает повреждения, явившиеся результатом самой аварии.

Таким образом, техническая комиссия в 1934 году не установила причинной связи между техническим состоянием автомашины и совершившейся аварией.

Экспертная комиссия, производившая судебно-медицинское вскрытие трупа, дала заключение, что:

- а) смерть Борисова наступила от "кровоизлияния в полость четвертого желудочка мозга на почве полученных переломов черепной крышки и основания черепа" ;
- б) Борисов получил повреждение черепа от сильного удара головой о стенку дома;
- в) причиной смерти Борисова является несчастный случай при аварии автомобиля.

Давая заключение о том, что Борисов получил повреждение черепа от удара о стенку дома, судебно-медицинская комиссия явно вышла за пределы своей компетенции, потому что ответы на такие вопросы медицинская комиссия давать не могла и не имела права.

Таким образом, на основании материалов, добытых в 1934 году, следственные органы пришли к выводу, что смерть Борисова явилась результатом несчастного случая во время аварии автомашины.

Виновность Малия, Виноградова и других лиц в преднамеренном убийстве Борисова установлена не была.

В июне 1937 года Малий, Виноградов и другие лица были арестованы УНКВД Ленинградской области по обвинению в совершении террористического акта над Борисовым.

Шофер Кузин, допрошенный 20 апреля 1956 года об обстоятельствах возникновения этого дела, дал следующие показания:

"...Я был арестован сотрудниками УНКВД 6 июня 1937 года. Когда я был доставлен в здание НКВД на 6-й этаж, меня обступило человек восемь сотрудников и один из них заявил, что я арестован как участник контрреволюционной организации и враг народа. Я ответил ему, что участником контрреволюционной организации я никогда не был, тогда он подошел ко мне и ударил меня сильно в грудь.

Я спросил его: "Зачем Вы меня бьете, ведь я советский человек". Тогда, стоявший рядом один из сотрудников со звездочками, сказал: "допрашивайте его как троцкиста". И меня допрашивали подряд 23 суток. На допросах мне не давали возможности садиться. Меня ставили в угол и непрерывно допрашивали. Когда один следователь уставал, его сменял другой, а я продолжал стоять. От меня все время требовали признаться, что я являюсь участником контрреволюционной террористической группы, но я не мог признать свою вину в этом, так как в организации никогда не состоял. Среди допрашивающих был и следователь Якушев.

Кажется на десятые сутки после ареста, стоя в углу, я упал и у меня изо рта пошла кровь. Мне стало очень плохо и я заявил следователю Смирнову: "если Вам нужна моя жизнь, то возьмите ее" и после этого стал подписывать все протоколы допросов, которые мне давал Якушев. Сам я этих протоколов не читал".

И далее:

"...В протоколах указано, что я слышал якобы глухой удар в кузове автомашины и что Борисова убил Виноградов железным брусом. Далее в протоколах указывается, что когда машина остановилась, то Малий выскочил из кабины, залез в кузов и добавил еще Борисову. Все это не соответствует действительности..."

Следовательно из этих показаний Кузина видно, что Якушев и другие следователи, имевшие отношение к расследованию этого дела в 1937 году, путем применения мер физического воздействия заставили Кузина подписать вымышленные показания о том, что Виноградов убил Борисова железным брусом, а Малий добивал Борисова.

Что же касается показаний Кузина в 1937 году о том, что Малий вырвал у него руль автомашины и тем самым вызвал аварию, то эти показания Кузин подтвердил и при допросе его в 1956 году.

Арестованный 5 июня 1937 года по обвинению в совершении теракта против Борисова, Малий вначале виновным себя не признавал и только на допросе 8 июля, признавая свою вину, заявил, что с 1934 года он является участником контрреволюционной группы, в которую его вовлек сотрудник НКВД Губин и участниками которой были Хвиюзов и Виноградов.

2 декабря 1934 года, как показал далее Малий, следуя в Смольный на грузовой автомашине вместе с Борисовым, он выхватил у шофера Кузина руль и вызвал аварию, а Виноградов, воспользовавшись этим, убил Борисова. (л.д.18-27 дело по обвинению Малий).

При рассмотрении дела в Военной Коллегии Верховного суда СССР Малий эти показания подтвердил и 2 сентября 1937г. по ст. ст. 58-8 и 58-II УК РСФСР был приговорен к расстрелу.

Однако эти показания Малия с признанием своей вины не могут быть приняты за бесспорное доказательство, так как в настоящее время установлено, что он дал их в результате применения к нему физических мер воздействия.

Допрошенный по этому поводу следователь Якушев на допросе 20 апреля 1956 г. прямо заявил, что с целью получения нужных показаний Малия по указанию руководства Управления НКВД избивали.

5 июня 1937 года по обвинению в том же преступлении был арестован и Виноградов.

На первых допросах Виноградов, так же как и Малий, категорически отрицал свою вину в убийстве Борисова и утверждал, что Борисов ударился головой о стенку и водосточную трубу в тот момент, когда машина, потерпев аварию, столкнулась со стеной

рядом стоящего здания (л.д. 15 дело по обвинению Виноградова).

Только спустя месяц, 3 июля 1937 года, Виноградов признал, что в контрреволюционную террористическую группу он был вовлечен Хвиюзовым и по его заданию он вместе с Малий совершил убийство Борисова.

При рассмотрении дела в Военной Коллегии Верховного суда СССР Виноградов от этих показаний отказался, как от вымышленных.

Несмотря на то, что в суде Виноградов вину свою ни в чем не признал, Военная Коллегия Верховного суда СССР 2 сентября 1937 года по ст.ст. 58-8 и 58-II УК РСФСР приговорила его к расстрелу.

Сотрудник НКВД Хвиюзов был арестован 11 июня 1937 года и так же как Малий и Виноградов длительное время не признавал себя виновным. Затем он признал, что убийство Борисова им было организовано по заданию сотрудника НКВД Губина и что непосредственными исполнителями убийства по его поручению были Малий и Виноградов.

Объективность этих показаний Хвиюзова в суде не проверялась. 20 сентября 1937 года Хвиюзов в особом порядке был осужден к расстрелу.

Проверкой, произведенной в 1956 году, установлено, что обвинение Малия, Виноградова и Хвиюзова в 1937 году в том, что они состояли членами контрреволюционной организации, совершившей террористический акт против Борисова, и в том, что Виноградов убил Борисова железным брусом — было сфальсифицировано.

Что же касается обстоятельств автокатастрофы, то шофер Кузин при допросе в 1956 году подтвердил свои показания, которые он давал в 1937 году о том, что авария была вызвана Малием, выхватившим у него руль автомашины.

На допросе 19 апреля 1956 года Кузин дал следующие показания об обстоятельствах аварии управляемой им автомашины:

"... Ехали мы по улице Воинова в направлении Смольного быстро, со скоростью примерно 60 км в час. Когда я переехал трамвайную линию, сидевший рядом со мной в кабине автомашины Малий вырвал у меня руль, повернул его вправо и направил автомашину в стену рядом стоявшего здания. Когда машина стала поворачивать вправо, Малий быстро открыл правую дверцу автомашины и на ходу попытался прыгнуть, но я быстро схватил левой рукой за руль и повернул его влево... Когда я съехал с тротуара, Малий быстро выскочил из кабины автомашины и остановился впереди, напротив радиатора, а Виноградов слез с кузова и почему-то быстро убежал. Тут же в присутствии Малия, я поднялся в кузов автомашины и увидел лежащего там охранника Борисова. С правого виска у него текла кровь. Я закричал: "убили, убили" и стал слезать с автомашины. Когда я был уже на земле, ко мне подошел Малий и сказал: "Молчи, щенок!..."".

Когда у Кузина на допросе в 1956 году спросили почему он в 1934 году давал совершенно иные показания и утверждал, что авария автомашины произошла из-за того, что спустила передняя правая покрывка, Кузин ответил:

"Я еще раз заявляю, что и в 1934 году мною были даны такие же показания, как и на сегодняшнем допросе. Я и в 1934 году заявлял, что Малий, сидевший рядом со мной в кабине, резко повернул руль вправо, отчего машина едва не столкнулась со стеной стоявшего рядом здания... а когда я стал читать протокол, то увидел, что там записано совершенно другое. Я тогда спросил у следователя: "Как же так получается, показываешь одно, а записывается другое?" На это мне ответили, что "ничего, ты не беспокойся, подпиши" и я подписал..."

В процессе этого же допроса Кузину был задан еще один вопрос: "Какое у него сложилось убеждение о смерти Борисова?"

Кузин на это ответил таким образом:

(X)

"...В 1934 году я был твердо убежден, что Борисова убили. При этом мнении я остаюсь и сейчас, так как машина не имела соприкосновения со стеной стоящего рядом здания, а следовательно это и не могло явиться причиной смерти Борисова. Оставшись возле машины один, я осмотрел место стоянки дома и водосточной трубы, о которые мог бы удариться Борисов. Но никаких следов на этих местах я не обнаружил..."

XII

"Я считаю, что Борисова убил Виноградов..."

Оценивая эти показания Кузина, необходимо иметь в виду, что не исключена возможность неправдивых показаний Кузина потому, что он считает себя связанным показаниями, данными им в 1937 году, которые послужили одним из оснований для осуждения Малия и Виноградова.

Таким образом, на основании изложенного сделать категорический вывод, достаточно обоснованный материалами расследования, о причинах автокатастрофы, повлекшей смерть Борисова, при отсутствии в настоящее время Малия, Виноградова и Хвиюзова, а также невозможности проведения повторной технической и медицинской экспертиз нельзя.

(X)

нельзя.